

Школа для примадонны

ЭКСКЛЮЗИВ

Лариса ДОЛГАЧЕВА

Она всегда героиня. На сцене, в кино, в жизни. Героиня книги и вот теперь — оперы. Героиня всевозможных проектов — то создает пенсионный Фонд Большого театра, то меценатствует в пользу Педиатрической академии в Петербурге, то покровительствует Детскому музыкальному театру в Москве, то готовится возглавить не знающую аналогов Школу оперного пения, специально возводимую для нее в столице. Всегда держит дистанцию — но неизменно влечет. Вишневская.

Галина Павловна, что испытывает певица, о которой написана опера?

— Четыре года назад, когда Марсель Ландовски, а мы знакомы с ним уже лет двадцать, сказал, что прочитал мою книгу и хочет писать оперу, я это приняла как-то отстраненно, совершенно не пропустив через себя. Так было до тех пор, пока я не приехала в Лион поработать с артистами. Помню, вошла в зал, было темно, меня никто не видел. Певица репетировала последнюю сцену — прощание с Большим театром. И вдруг — мои слова из уст другого человека, моя ситуация, музыка... У меня перехватило горло, я зажала себе рот, я боялась закричать. У меня был шок. Будто я откуда-то из другого мира смотрю на то, что случилось со мной в жизни. Вначале я даже не могла репетировать с актерами. Прошла, наверное, неделя, прежде чем я стала воспринимать "Галину" просто как искусство, как оперу. Вот тогда пошла работа. Делала замечания по ходу, чтобы была соблюдена эпоха, не искажены ситуации, чтобы было понимание русского человека.

— Музыка Ландовски — это то, что вы приняли душой, или то, с чем смирились, скрепя сердце?

— О нет, он оперу любит, понимает. И он пишет для голоса, что тоже важно, его музыку хочется петь. И в то же время это современная, достаточно сложная музыка, но совсем не тот авангард, когда не поймешь, что происходит в оркестре и на сцене.

— Наверняка вы бы хотели, чтобы "Галина" прозвучала и здесь?

— Конечно. Опера-то, между прочим, про Россию. До меня самой это не сразу дошло. Может быть, только сейчас, когда со дня премьеры прошло

почти два месяца, я понимаю, какое великое дело сделано: сегодня за границей создан спектакль о моей стране, о моем народе. Я горжусь этим. И потом — это же о живущей певице опера, такого в истории не бывало, насколько я знаю.

— Решись сейчас вопрос о постановке "Галины" у нас, кого бы из российских певцов вы хотели видеть в главной партии?

— Не знаю, я мало их слышала... Талантливая должна быть. Умная. Дура здесь не годится.

— Следите ли вы за мировым оперным процессом?

— Нет. Время от времени попадаю на оперные спектакли, но... я классическая певица, впитавшая традиции оперного классического пения. С определенными требованиями, очень высокими. Себе ничего не прощаю, но не прощаю и никому другому. Я не люблю, знаете, творческого неглиже на сцене, неаккуратности. Мне это действует на нервы. Когда возвращаюсь домой после такого спектакля, потом несколько дней не могу прийти в себя. Поэтому предпочитаю в оперу не ходить. Я не вижу певцов, которых мне хотелось бы слушать. Пожалуй, только Доминго. Замечательный пе-

вец — грамотный, культурный, с безотказным вкусом. Настоящий музыкант! Но он же не один стоит на сцене.

— Вы не находите сегодня исполнителей, подобных — по масштабу — вашим любимым Тебальди, Прайс, Сазерленд. В чем, по-вашему, здесь дело?

— Во-первых, сдвинулись скорости. "Конкорд" из Парижа в Нью-Йорк летит три с половиной часа, а в начале века туда плыли несколько недель. То же в жизни — изменился ее темп, ритм. Много певцов, которые много поют, но будто в спешке, оставляя ощущение недоделанности. Много театров, которые, конечно же, не могут быть заполнены только настоящими артистами. Ясно, что основу их составляют очень средние певцы. Это портит публику. Она теряет ориентацию, теряет высоту требований. На Западе можно увидеть очень хорошо сложенный спектакль, который будет идти, как часы, и где никто не даст петуха, не сфальшивит, но который будет совершенно неинтересен — по голосам в том числе. У нас, наоборот: могут быть шикарные голоса — как материал, а идешь со спектакля и думаешь: "Лучше бы не слышала", — до такой

степени все было непрофессионально.

— По-видимому, это и есть главная задача вашей будущей Школы в Москве — устранить "зазор" между отличной природой и классным мастерством?

— Ну конечно. Период между консерваторией и театром, первые шаги в театре — самое трудное в жизни молодого певца. С ним же надо заниматься, и по-настоящему. Дикцией, ритмом, выправлять ошибки, если уж взяли его в театр. А кто с ним там будет возиться? Концертмейстер? Но он может только музыкально помочь подготовить партию. Он не знает, как это делать, он мыслит по-другому. Певцу обязательно нужен консультант-вокалист — пока петуха дал, потом верхние ноты потерял, и все. Мало ли гибнет в театрах певцов с замечательными голосами?

— А знаете, у кого уже была идея подобной школы, подкрепленная совершенно аналитической аргументацией?

— У Шаляпина.

— И у Барсовой. Она мечтала открыть оперную школу в Сочи, правда, не круглогодичную, как ваша, а летнюю. Билась не один год, но ей так и не разрешили. Так что если Школа оперного пения Галины Вишневской откроется, это будет реализация очень давней российской мечты.

— Откроется.

— И предположим, среди учеников вы обнаружите очень интересных певцов. Возможно ли, что вы будете протектировать им, к примеру, связывая с зарубежными импресарио, рекомендуя в Большом?

— Нет. Я должна подготовить — вот мое дело. А за руку водить! Я считаю, это не нужно, особенно в искусстве. Ты пришел на прослушивание, встал на сцене, открыл рот, тебя слушают — все! Если не смог, значит, не смог. Работай, продирайся, иди дальше. Еще раз поступай, меняй педагога, меняй театр. Будь лучше всех! Другого способа сделать настоящую карьеру я не знаю.

— На Западе проблемы становления начинающего певца во многом решает разветвленная сеть мастер-классов. Свои мастер-классы уже много лет даете и вы — в Зальцбурге, Олдборо, Любеке, Филадельфии. Каков их стиль? Объявляете ли вы определенные темы?

— Чтоб у меня никто не ревел, всегда делаю вступление, говорю: "Я не ругаю вас, просто у меня голос такой, у меня темперамент, я хочу от вас как можно больше получить и как

можно больше вам дать, поэтому я увлекаюсь". Привыкают... А что касается тем — нет. Все зависит от того, какой раздел музыки хотел бы взять студент. Но обычно я останавливаюсь на русской и итальянской музыке (иногда больше уделяя внимания опере, иногда камерному исполнительству), чтобы не распыляться. Две-три недели слишком малый срок, а я должна максимально помочь артисту. Сначала избавить от недостатков — это главное, и показать дорогу, на которой он мог бы лучше всего реализовать себя. А романс он и без меня выучит, если имеет технику. Сам разберется, тем более что у композитора написано все, что надо делать, только уметь прочитать и воплотить в звуке... Но как будет строиться курс в моей московской школе, еще надо серьезно продумать.

— Когда она, кстати, откроется?

— Работа идет вовсю, котлован роют. Если бы все были уверены, что 16-го числа ничего не произойдет, то уже сегодня была бы половина здания готова. Деньги ведь надо на это давать, а люди боятся. Это же не государство строит, не я, а спонсоры — для меня.

— А вам самой не тревожно в ожидании 16 июня, хотя вы когда-то и говорили: "Не верю, что возможно возвращение к прошлому"?

— И сейчас не верю. Не верю, что мой народ настолько глуп. Он может поддаваться эмоциям. Но когда придет час настоящего выбора, я уверена, он сообразит, что надо делать. Отбросит лишние эмоции, внутренне соберется, посчитает все, что пережил под властью Советов, вспомнит погубленных родичей, которые есть в каждой семье. Что Жириновский? Сначала его выбрали, а сейчас он сидит где-то там, в заднем ряду. Любит народ посмеяться над скоморохами. Скоморохи на Руси были всегда, но они не приходили к власти — народ не допустил. И душегуба к власти не допустит. А коммунисты — душегубы, пожирившие собственный народ. И прощения им быть не должно!

— Вы натура мятежная, которая едва ли знает, что такое спокойная жизнь. Есть ли ниши, в которых вы абсолютно комфортно себя чувствуете? Что это — тишина, книги, путешествия?

— Музыка. Музыка Ростроповича. Я не могу после него слушать другого виолончелиста, мне скучно. Это, наверное, плохо, но не могу. Я рано узнала, что такое высшая планка в искусстве — когда встала в Большом театре рядом с Мелик-Пашаевым, Покровским, когда вышла замуж за Ростроповича. Ниже я опускаться не могу.

Фото А.ЭПШТЕЙНА

